

ЕЛЕНА НЕДЕЛЬКО

ТЕНЬ НА АСФАЛЬТЕ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Криминальная драма

18+

Елена Неделько
Тень на асфалте

«Автор»

2026

Неделько Е.

Тень на асфальте / Е. Неделько — «Автор», 2026

Когда в московской кофейне убивают влиятельного бизнесмена, последней, кто видел его живым, оказывается студентка журфака Лиза. Не успев осознать весь ужас ситуации, она становится мишенью для «крыши» убитого — группы безжалостных бандитов. Единственным, кто может её защитить - это суровый капитан полиции Александр Соколов. Вынужденные скрываться от преследователей, капитан и студентка оказываются заперты в одном пространстве, где страх смерти уступает место притяжению. Между сорокалетним, уставшим от цинизма следователем и юной девушкой вспыхивает запретная страсть. Но их хрупкое убежище находят. Лизу похищают прямо из-под носа у Соколова, и он получает страшный ультиматум: закрыть дело об убийстве или получить видео с казнью любимой. Отстраненный от службы и загнанный в угол, Соколов решает играть по своим правилам, чтобы вырвать Лизу из бандитского плена. Это история не только о выживании, но и о том, как любовь становится единственным оружием против безжалостной системы.

© Неделько Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Неделко

Тень на асфальте

Тень на асфальте

Москва

Глава 1

Москва в четыре утра — это не город. Это огромный, уставший хищник, который прилег перевести дух, но не выпускает из когтей бетонные джунгли. Он дышит холодным туманом, и в его утробе гудит нескончаемый поток машин. В это время суток свет фонарей кажется особенно тусклым, а тени от небоскребов на Садовом кольце — непроницаемо черными. Именно в такой час Лиза стояла у панорамного окна своей съемной квартиры на двадцатом этаже и смотрела вниз. Там, в бесконечном потоке красных и белых огней, текла чужая, размеренная жизнь. А её собственная разбилась вдребезги об этот асфальт еще до рассвета.

Всё началось три дня назад. Обычный вторник. Обычная смена в кофейне на Патриарших прудах. Лиза, студентка журфака, подрабатывала бариста, чтобы оплачивать жилье и не висеть на шее у родителей из Самары. Она ненавидела эти ранние подъемы и вечно недовольных фриков, требующих миндальное молоко с температурой ровно 65 градусов, но работа давала ей главное — независимость.

В тот вечер зашел он. Мужчина лет сорока пяти в дорогом, но слегка помятом пальто. Он не был похож на постоянного посетителя модных мест. В его взгляде читалась усталость иного рода — не от недосыпа перед дедлайном, а от груза, который тащишь годами. Он сел за самый дальний столик и заказал двойной эспрессо без сахара. Просто и по-мужски.

— Тяжелый день? — спросила Лиза, ставя перед ним чашку. Она всегда пыталась быть вежливой, это была её защитная реакция на московский снобизм.

Мужчина медленно поднял глаза. Взгляд был тяжелым, как свинец.

— Скорее, тяжелая жизнь, — хмыкнул он, даже не пытаясь улыбнуться.

Он просидел минут сорок. Не читал книгу, не смотрел в телефон. Просто смотрел в окно на серое небо ипил кофе маленькими глотками. Выпил еще две чашки и ушел, оставив на столе щедрые чаевые — сумму, равную стоимости всего его заказа. Лиза пожалала плечами и убрала деньги в карман фартука.

Богатые тоже плачут, — подумала она тогда.

А потом был звонок.

Это случилось в среду вечером. Лиза как раз собиралась на пары по медиаправу. Телефон завибрировал на тумбочке. Номер был незнакомым.

— Елизавета? — голос в трубке был низким, прокуреным и абсолютно спокойным. Таким голосом объявляют остановки в метро или прогноз погоды на завтра.

— Да... Кто это?

— Это неважно. Важно то, что вы вчера обслуживали одного человека. Мужчину в сером пальто.

Сердце Лизы пропустило удар. Она помнила его.

— Допустим. И что?

— У меня есть информация, которая может вас заинтересовать. И которая может быть очень опасна для вас, если вы кому-то расскажете о нашем разговоре. Вы меня понимаете?

— Нет! Я ничего не понимаю! Что происходит? Кто вы?

— Он мёртв. Его убили сегодня ночью. И вы — последний человек, который видел его живым.

В трубке повисла тишина, а затем пошли гудки.

Лиза стояла посреди комнаты с телефоном в руке и чувствовала, как по спине бежит ледяной холодок. Это чья-то дурацкая шутка? Розыгрыш? Но голос был слишком серьезным. Слишком... мертвым.

Её худшие опасения подтвердились через час, во время перерыва между парами в университетской столовой она все услышала в новостях по телевизору. В бегущей строке новостей: «Тело известного бизнесмена Артура Власова найдено в его загородном доме». Фотография с камер наблюдения кофейни, где они были вдвоем — Лиза протягивает ему чашку, он смотрит в пустоту — уже разлеталась по всем Telegram-каналам с подписью: «Последний свидетель».

А потом пришли они.

Следователь был молод, лет тридцати пяти, с цепким взглядом серых глаз и идеально выглаженной рубашкой под свитером. Капитан Соколов. Он не кричал, не угрожал наручниками с порога. Он просто сел напротив Лизы в допросной комнате отделения полиции (её привезли туда «для дачи показаний» как свидетеля) и положил перед собой диктофон.

— Елизавета Андреевна, давайте начистоту, — его голос был ровным, почти дружеским. Так врач сообщает диагноз: безэмоционально и по делу. — Вы видели новости?

— Да.

— Вы были последним человеком, кто общался с Артуром Власовым перед его смертью?

— Я просто сделала ему кофе! Мы обменялись парой фраз! Я даже не знала его фамилии до сегодняшнего дня!

Соколов чуть наклонил голову вбок.

— Пару фраз? По словам официантки за соседним столиком, вы проявили к нему неподдельный интерес.

Лиза вспыхнула от возмущения.

— Это называется вежливость! Я со всеми так общаюсь! Это моя работа!

Соколов откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— Власов был убит из пистолета с глушителем. Один выстрел в затылок. Профессионально. Никаких следов взлома или борьбы. Значит, он либо знал убийцу и впустил его сам, либо... убийца ждал его внутри как гость. У него не было врагов? Был ли он напряжен вчера? Может быть, он что-то сказал вам? Передал записку? Флешку? Любой предмет?

Лиза почувствовала приступ паники и тошноты одновременно.

— Нет! Ничего! Он просто пил кофе! Смотрел в окно! Он выглядел... обычным уставшим человеком!

Следователь долго смотрел ей в глаза. Лиза не врала. Она действительно ничего не знала.

Её отпустили под подписку о невыезде как «лицо, представляющее интерес для следствия». Формально — свидетель с уникальным статусом.

Вернувшись домой под утро четверга, Лиза поняла две вещи: во-первых, за ней следят. Серая «Лада» припарковалась через дорогу от подъезда и не уезжала всю ночь. Во-вторых, она должна сама разобраться во всем этом дерьме.

Она журналистка по призванию. Если полиция ищет мотивы у неё, значит, настоящие мотивы кроются в жизни убитого Власова.

Три дня она провела как в тумане: пары в университете превратились в белый шум, сон стал роскошью для богатых и беззаботных. Она изучала всё, что могла найти об Артуре Власове в открытых источниках. Крупный застройщик из 90-х, переживший все кризисы. Скандалы с «намывом» территорий на юге Москвы под видом благоустройства парковок для очередных ЖК-«человейников». Суды с бывшими партнерами по бизнесу за доли в торговых центрах. Ничего конкретного про угрозы или криминал — только мутные намеки.

А потом она нашла зацепку в его соцсетях. За три дня до смерти он выложил фотографию из той самой кофейни с геотегом «Патрики» и подписью: «Место встречи изменить нельзя».

Это была цитата из фильма? Или прямой намек? На встречу с кем? С ней? От этой мысли становилось жутко.

В пятницу вечером Лиза решилась на отчаянный шаг. Она вышла из дома не через центральный вход с консьержем (тот наверняка уже получил инструкции), а через пожарную лестницу во дворе-колодце — старый трюк из кинофильмов, который неожиданно сработал идеально. Она петляла по переулкам Замоскворечья почти час: ныряла в проходные дворы, перебежала Тверскую под носом у таксистов на Садовом, пока не убедилась, что «хвоста» нет.

Ей нужно было вернуться к истокам. В кофейню.

Она пришла туда за полчаса до закрытия и её сразу же встретил недовольный взгляд её сменщика.

Бариста-новичок Костя протирал кофемашину с таким усердием, словно пытался стереть с неё все грехи этого мира.

— Ого, Лизка! Привет! Тебя тут менты вчера весь день трясли! Все записи с камер забили! Директор на ушах стоит!

— Я знаю... Слушай, Костя... Помнишь того мужика в пальто? Ты же тоже его видел?

Костя фыркнул:

— Ну да. Станный тип. Сидел как сыч в углу, кофе свой цедил целых сорок минут.

Лиза понизила голос до шепота:

— Он ничего не оставлял? Может, когда я отходила на склад? Или когда рассчитывался? Что-нибудь на столе?

Костя замер с тряпкой в руке и посмотрел на неё как на сумасшедшую.

— Оставлял... Точно! Он же телефон свой забыл! Я еще хотел тебе сказать после смены: «Лизка, тут какой-то мажор телефон свой профукал», а потом эти налетели... Менты всех разогнали. Я его убрал под стойку вот сюда, — Костя ткнул пальцем под кассовый аппарат, — чтобы никто не спер или менеджер не спалил.

Через пять минут Лиза держала в руках iPhone последней модели в кожаном чехле. Он был заблокирован Face-ID и паролем.

Ночью, сидя дома при свете настольной лампы (шторы плотно задернуты), она пыталась подобрать пароль к телефону мертвеца. Даты рождения? 1234? Нет... Её пальцы дрожали над экраном так сильно, что она дважды ошиблась и телефон заблокировался на минуту.

И тут её осенило. Цитата! «Место встречи изменить нельзя». Она ввела название фильма без пробелов: mestovstrechiizmenitelzua.

Экран моргнул и открылся главный экран.

Лиза почувствовала себя взломщиком из голливудского триллера. Она начала копаться в мессенджерах и галерее — ничего подозрительного... Обычные фото еды, котов (у него было два мейн-куна), виды из окна офиса в Москва-Сити. Пока не зашла в Заметки.

Там была всего одна запись:

«Передал всё курьеру до 22:00 вторника (Патрики). Если со мной что-то случится — это доказательство для федералов».

Ниже была размытая фотография какого-то документа с печатями и подписями.

В этот момент раздался громкий стук во входную дверь.

Не звонок вежливости — именно тяжелый, властный стук кулаком или чем-то твердым о металлическую обшивку двери.

Лиза вздрогнула так сильно, что чуть не выронила телефон на пол кухни. Сердце ушло в пятки и там забилось с частотой отбойного молотка.

Откройте! Полиция! — раздался голос из-за двери.

Но это был не голос Соколова с его профессиональной усталостью. Этот голос был ниже и жестче. В нем звучала сталь приказа и нетерпение хищника у добычи.

Времени думать не было. Лиза действовала на чистых инстинктах выживания, которые дремали где-то глубоко внутри обычной студентки из Самары. Она схватила свой ноутбук (доказательство того, что она просто учится), сунула чужой телефон во внутренний карман куртки и метнулась к окну — тому самому панорамному окну с видом на спящий город двадцатью этажами ниже.

Стук повторился, уже громче и настойчивее:

Ломаем дверь через десять секунд!

Лиза оглянулась на дверь — массивную, стальную, но которая выдержит минуту от силы против ОМОНа и их инструмента - и посмотрела вниз на огни Москвы-реки и эстакады ТТК.

Это было безумие чистой воды. Самоубийство или побег? У неё не было выбора между плохим и очень плохим вариантом.

Она перекинула одну ногу через подоконник на внешний выступ для кондиционеров (спасибо архитекторам за этот узкий карниз шириной сантиметров тридцать). Холодный ноябрьский ветер ударил в лицо со всей яростью мегаполиса, пытаясь сбросить её вниз как назойливую муху.

Дверь за её спиной содрогнулась от первого мощного удара.

Лиза прижалась всем телом к ледяному стеклу здания, чувствуя вибрацию от ударов внутри квартиры через бетонную стену под ногами так отчетливо, словно это билось её собственное сердце о ребра. Она мелкими шажками начала двигаться вдоль фасада к пожарной лестнице технического этажа двумя метрами левее.

Она на балконе! — крикнул кто-то внутри квартиры глухим басом.

Лиза сделала последний рывок всем телом вперед и схватилась за перила лестницы мокрыми от пота ладонями так крепко, что костяшки пальцев побелели от напряжения. Она начала спускаться вниз так быстро, как только могла по вертикальной металлической конструкции под углом 90 градусов к земле, рискуя сорваться при каждом неверном движении подошвы по скользкому металлу.

Сверху раздались выстрелы — приглушенные хлопки сквозь стекло окна её кухни.

Пам! Пам!

Одна пуля чиркнула по металлу сантиметрах в десяти от её головы со звоном разбитого стекла внизу во дворе.

Лиза закричала от ужаса — это был животный крик существа, загнанного в угол — и ускорила спуск почти до падения кубарем вниз головой.

Она приземлилась на асфальт заднего двора какого-то бизнес-центра спотыкающимся кульком из костей и страха, содрав колени об бетонные плиты парковки до крови через плотные джинсы. Но она была жива и свободна от тех людей за дверью — кем бы они ни были: настоящими полицейскими с ОМОНОм или убийцами Артура Власова из той самой «крыши», о которой он писал федералам перед смертью.

Чужой телефон жег грудь через ткань куртки смертельной опасностью.

Лиза поднялась на ноги и побежала прочь от сияющей башни «Москва-Сити», растворяясь в лабиринте ночных переулков. Она больше не была случайной свидетельницей или подозреваемой глупой студенткой из провинции.

Теперь у неё была улика стоимостью в жизнь убитого человека и её собственную голову. Она знала только одно: ей нужно найти способ передать этот телефон капитану Соколову так, чтобы её саму не приняли за курьера с уликами против всей системы города под названием Москва.

Впереди была долгая ночь бегства по холодным улицам огромного города-призрака, где каждый фонарь мог скрывать камеру наблюдения или ствол пистолета с глушителем для неё одной-единственной девушки по имени Лиза.

Глава 2

Лиза бежала, не разбирая дороги. Кроссовки, купленные на распродаже месяц назад, с жалобным треском начинали рваться, и теперь она неслась, чувствуя, как ледяной ноябрьский асфальт высасывает из ступней последнее тепло. Правая нога скользила по мокрой разметке, и каждый шаг отдавался острой болью в голеностопе. Она прижимала к груди ноутбук — свою единственную связь с нормальной жизнью, с лекциями по медиаправу и котиками в интернете, — а в нагрудном кармане куртки тяжелым, чужеродным грузом оттягивал ткань телефон убитого Артура Власова. Он казался ей куском раскаленного металла, который вот-вот прожжет дыру и выдаст её всем патрулям города.

Москва больше не казалась хищником. Хищник — это слишком живое, слишком понятное понятие. Сейчас город превратился в гигантский, бездушный механизм, в бетонную мясорубку. Он дышал ей в спину холодным туманом, гудел нескончаемым потоком машин на Садовом кольце так низко и мощно, что вибрация отдавалась у неё в зубах. Каждый шорох за спиной — будь то шуршание пакета под порывом ветра или далекий вой сирены — заставлял её вздрагивать всем телом и сворачивать в очередной темный, провонявший мочой проулок. Она знала: если её поймут с этим телефоном, её просто не найдут. Никогда. Она исчезнет. Растворится в этом сером бетоне.

Ей нужно было добраться до безопасного места. До человека, который хотя бы формально представлял закон. До Соколова.

Остановившись под козырьком круглосуточной аптеки, Лиза привалилась спиной к холодному стеклу витрины. В аптеке горел мертвенный люминесцентный свет, отражаясь в мокром асфальте. Она дрожала так сильно, что зубы выбивали дробь. Руки тряслись, когда она достала тот самый телефон. Экран светился в темноте холодным синим светом, как маяк на кладбище.

Она открыла заметку ещё раз, перечитывая эти несколько строк: «Передал всё курьеру до 22:00 вторника (Патрики). Если со мной что-то случится — это доказательство для федералов». Курьером был он сам? Или кто-то другой? И где теперь то, что он передал? Вопросы множились, но времени на раздумья не было. Телефон нужно было передать капитану, но так, чтобы не привести хвост прямо к нему. Если они следят за полицией... Если они прослушивают его телефон...

План созрел в её голове за минуту — безумный, отчаянный, но единственно возможный. Она должна была использовать то, что у неё есть: знание города и единственный контакт в полиции.

Было около пяти утра. Капитан Соколов сидел в своем кабинете на Петровке, который больше напоминал склад макулатуры. Свет настольной лампы выхватывал из полумрака его осунувшееся лицо с темными кругами под глазами и недопитую кружку остывшего кофе, на поверхности которого уже образовалась радужная пленка. Он уже вторые сутки не спал. Дело Власова пахло большими деньгами и большими проблемами — такими проблемами, от которых людей переводят на бумажную работу в архив или находят с дыркой в голове где-то в лесу.

А эта девчонка, Лиза... Она не выходила у него из головы. Слишком чистая для этой грязи. Слишком напуганная для случайной свидетельницы. В ней была какая-то отчаянная искренность, которая резала глаз на фоне привычной лжи и цинизма его работы.

Телефон на его столе завибрировал так резко и громко в мертвой тишине кабинета, что Соколов вздрогнул. Номер был скрыт.

— Соколов, — бросил он в трубку хриплым от недосыпа голосом, не отрывая взгляда от отчета криминалистов.

— Капитан? — голос в трубке был тихим, срывающимся на хриплый шепот. Он узнал бы его из тысячи. — Это Лиза.

Соколов резко выпрямился в кресле так, что оно жалобно скрипнуло.

— Где ты? Тебя ищут все патрули города! Ты в розыске!

— Я знаю. Слушайте меня внимательно и не перебивайте. У меня есть то, что вам нужно. Телефон Артура Власова. Он был у него с собой в кофейне... я забрала его... позже.

— Ты с ума сошла? Это кража улики! Ты только что подписала себе приговор! — его голос стал жестким, как наждачная бумага, но где-то на дне этой стали проскользнула нотка неподдельного беспокойства.

— В его заметках есть запись о передаче каких-то документов! Он боялся за свою жизнь! Но я не могу прийти к вам с этим телефоном. Если я появлюсь на пороге вашего кабинета или дома — меня убьют раньше, чем я успею это понять.

Соколов молчал несколько секунд, переваривая информацию. В трубке слышалось её тяжелое дыхание.

— Чего ты хочешь?

— У вас есть машина? — спросила Лиза.

— Да.

— Белая «Шкода Октавия», госномер... — она назвала номер с такой уверенностью, будто читала его сейчас перед собой.

Соколов поперхнулся воздухом.

— Откуда ты...

— Я журналистка по призванию, я наблюдательна. Я знаю вашу машину и ваш маршрут от работы до дома. Вы всегда заезжаете на заправку на перекрёстке возле отдела ровно в 5:30 утра, чтобы купить кофе и энергетик. Сегодня вы тоже там будете?

Соколов выругался сквозь зубы так грязно, что сам удивился своей несдержанности.

— Допустим. И что дальше?

Через полчаса Лиза стояла в тени огромного рекламного щита, который нависал над тротуаром как утес. Она была похожа на тень: грязная куртка с оторванной пуговицей у ворота (порвала, когда лезла по пожарной лестнице), растрепанные волосы сосульками свисали на лицо, а джинсы на коленях были со слезами крови и грязи — она содрала кожу до крови через плотную ткань. В руке она сжимала старый полиэтиленовый пакет из супермаркета.

Белая «Шкода» Соколова въехала на территорию заправки ровно в 4:28. Капитан вышел из машины, потянулся до хруста в позвоночнике и направился к стеклянным дверям минимаркета «АЗС-Маркет». Он выглядел так же безупречно и уставше, как и при их первой встрече (идеально выглаженная рубашка под свитером), только щетина стала чуть длиннее и пробивалась синевой на скулах.

Лиза глубоко вдохнула ледяной воздух с примесью запаха бензина и жареного масла из кафе при заправке и перешла дорогу по диагонали, стараясь выглядеть естественно — просто девушка или гуляка после вечеринки.

Она подошла к колонке рядом с его машиной как раз в тот момент, когда Соколов вышел из магазина с бумажным стаканом кофе (на нем была нелепая картинка с оленем) и банкой энергетика.

— Капитан Соколов? — окликнула она его хриплым голосом.

Он обернулся мгновенно — тренированное тело сработало быстрее мозга. Рука машинально дернулась к поясу, где обычно висела кобура (сейчас её не было), а взгляд серых глаз мгновенно просканировал пространство вокруг неё на предмет угрозы. Увидев её лицо под тусклым светом фонаря заправки — бледное пятно с огромными испуганными глазами — он замер.

— Лиза? Какого черта ты творишь...

Она сделала шаг к нему вплотную так быстро, что он даже не успел отступить. План родился спонтанно — это был единственный способ передать улику так быстро и незаметно для камер наблюдения или случайных глаз (например, сонного кассира внутри магазина). Она должна была сыграть роль влюбленной дурочки или пьяной девицы, чтобы прикрыть момент передачи пакета своим телом.

— Я так рада вас видеть... Я так испугалась... — прошептала она ему прямо в шею (он пах дорогим парфюмом и дешевым кофе) и сделала еще один шаг, сокращая дистанцию до неприличной близости. Она положила ладонь ему на грудь и притихла.

Соколов опешил от такой наглости и близости её запаха — дешевых духов, пота и чистого адреналина. Он инстинктивно положил руку ей на талию (ладонь легла чуть ниже ребер), пытаясь отодвинуть её от себя профессионально-отстраненным жестом полицейского при задержании.

— Прекрати этот цирк! Ты привлекаешь внимание!

Лиза подняла на него глаза (в тусклом свете фонаря они казались почти черными) и попыталась изобразить томный взгляд (получилось скорее испуганно-безумно). Её губы дрожали.

— Я скучала по вам... — промурлыкала она голосом какой-то киношной стервы и сунула пакет ему в руки, прикрыв своим телом. Внутри лежал телефон Власова и записка: «В заметках».

Соколов почувствовал твердый прямоугольник сквозь тонкий пластик пакета. Его лицо оставалось каменным, но глаза сузились до щелок. Он понял ее план мгновенно. Он чуть сильнее сжал её талию (теперь уже по-настоящему), делая вид для возможных наблюдателей или камеры слежения над входом, что обнимает её за плечи.

— Ты сумасшедшая... — прошипел он ей на ухо еле слышно горячим дыханием. — Уходи сейчас же через тот проход между гаражами!

План флирта провалился с оглушительным треском. Это было не кино про роковых красоток и циничных копов с идеальной химией. Это была грязная реальность промзоны в пять утра при свете натриевых ламп заправки. Соколов видел перед собой не роковую женщину из своих фантазий во время скучных совещаний, а перепуганную девчонку с разбитыми коленями, которая рисковала жизнью ради правды или глупости — он пока не знал точно, чего именно.

Лиза поняла это по его взгляду. Никакой искры, никакого мужского интереса — только ледяная профессиональная собранность и тревога за неё как за свидетеля или просто как за человека.

Она резко отстранилась от него, поправила куртку трясущимися руками и кивнула.

Развернулась и быстрым шагом пошла прочь от заправки к темному проходу между бетонными заборами складов текстильной фабрики, который он указал взглядом через её плечо.

Соколов подождал ровно тридцать секунд. Он спокойно открыл багажник своей машины, достал оттуда тряпку для протирки фар из микрофибры и небрежно бросил пакет с уликой глубоко под коврик багажного отделения так быстро и ловко, что человеческий глаз бы не уловил движения руки внутри темного пространства багажника со стороны улицы.

Он сел за руль, завел двигатель и тронулся с места ровно в тот момент, когда из-за угла выехал черный тонированный внедорожник без номеров («Тойота Ленд Крузер», судя по силуэту) и медленно покотил вдоль тротуара вслед за Лизой в сторону проходных дворов Замоскворечья.

Соколов ударил по газам так резко, что колеса взвизгнули на мокром асфальте. Он вырулил со стоянки наперерез внедорожнику по дуге, перекрывая ему путь к отступлению из узкого проезда между складами.

Внедорожник резко затормозил всего в полуметре от бампера «Шкоды». Из тонированного окна опустилось стекло со стороны пассажира ровно на десять сантиметров.

— Проблемы? — лениво протянул мужчина с переднего сиденья. Голос был тот самый — низкий, стальной голос. Лиза бы узнала его как такой же, который слышала сегодня ночью во время штурма квартиры.

Соколов опустил свое стекло лишь на пару сантиметров. Он держал одну руку демонстративно расслабленно на руле (в кожаных перчатках), вторую положил на бедро рядом с рацией.

— Проверка документов. Номера грязные настолько, что их не видно вообще, фары не горят и только одна задняя габаритка. Выйдите из машины для досмотра.

Мужчина усмехнулся уголком губ:

— Мы торопимся, капитан. У нас спецзадание от вышестоящего руководства. Не мешай работать органам правопорядка.

Соколов включил рацию на громкую связь:

— Дежурный? Капитан Соколов, 108-й отдел уголовного розыска ГУВД Москвы. Записывайте ориентировку: я осуществляю проверку транспортного средства черного цвета без номерных знаков... Марка «Тойота Ленд Крузер»... Номер отсутствует... Водитель отказывается подчиниться законному требованию сотрудника полиции при исполнении... Нахожусь по адресу: пересечение улицы Вавилова и Третьего транспортного кольца...

Мужчина в машине переглянулся с водителем через зеркало заднего вида быстрым хищным взглядом. Игра закончилась так же быстро, как началась. Они не могли устраивать перестрелку у всех на виду из-за какой-то студентки и телефона мертвеца прямо сейчас. Это было слишком грязно даже для них при таком количестве свидетелей.

Внедорожник дал задний ход с визгом так резко, что запах паленой резины ударил Соколову в нос даже через щель окна его машины. Черный монстр скрылся за поворотом.

Соколов выдохнул только тогда, когда силуэт их машины растворился в потоке далеко впереди. Он посмотрел в зеркало заднего вида на темный проход между гаражами старой фабрики — там уже никого не было.

Лиза успела скрыться в лабиринте дворов старой Москвы до того, как началась эта игра в гляделки со смертью. Она выиграла этот раунд у города-хищника просто потому, что была слишком мелкой добычей для такого внимания... пока что слишком мелкой.

Но телефон был у Соколова. А значит, охота только начиналась. И теперь он был официально замешан в этом дерьме вместе с ней.

Глава 3

Лиза петляла по переулкам Замоскворечья, пока не начало светать. Ноги гудели, а легкие горели от холодного воздуха. Она забрела в какой-то глухой двор, села на перевернутый ящик у мусорных баков и наконец-то позволила себе выдохнуть. Телефон Власова, переданный Соколову, больше не жег карман, но тяжесть в груди никуда не делась. Она была одна против системы, против людей, которые убивают в затылок из пистолета с глушителем.

Ей нужно было исчезнуть. Не просто спрятаться на пару дней, а стать невидимкой. Первым делом — учеба. Журналистика? Смешно. В мире, где слова могут стоять жизни её диплома журфака, не стоил и выеденного яйца. Она достала из кармана куртки смартфон — свой, старый, дешевый — набрала номер деканата.

— Алло, здравствуйте. Это Елизавета Мирная с третьего курса журфака. Я... я забираю документы. Да, по семейным обстоятельствам. Нет, я не вернусь.

Она нажала отбой и почувствовала странное облегчение, смешанное с паникой. Она только что сожгла мосты. Теперь она официально никто.

Капитан Александр Александрович Соколов сидел в своем кабинете на Петровке и смотрел на экран служебного телефона. В кармане брюк лежал тот самый полиэтиленовый пакет с iPhone убитого. Он не мог занести его в вещдоки официально — это означало бы подставить себя и раскрыть свой интерес к делу, который выходил далеко за рамки протокола.

Он открыл заметки на телефоне Власова еще раз. «Передал всё курьеру до 22:00 вторника (Патрики). Если со мной что-то случится — это доказательство для федералов». Доказательство чего? Коррупции? Откатов? Соколов знал Артура Власова по старым делам. Тот был из «крепких хозяйственников» 90-х, переживший всех своих врагов и партнеров. Но чтобы федералы... Это пахло чем-то совсем другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.